

Кудьмура, - 1998. - 5-11 марта. - с. 13

Драма с поцелуями

Любовь Казарновская выступила в БЗК

Вообрази, мон ами: подходит к тебе молодой горячий цыган (или цыганка — кому что) и целует... так потом, наверное, неделю будешь ходить как в дурмане и с подвязанной челюстью. А теперь отбрось эту волнующую картинку — концерт Любы Казарновской под названием "Поцелуй цыганки", о котором пойдет речь, к природе неукротимого вольного племени не имеет никакого отношения.

Сразу оговоримся: над "перевоспитанием" своих дикарок трудилась не одна певица. Их прежде цивилизовали Брамс, Шуман, Лист, Верди, Штраус, Дворжак, Балакирев и Чайковский. Русские композиторы с этой задачей справились хуже — и потому боли, страсти, "непричесанности" в их цыганах больше. Музыкальные же цыгане из Европы — вполне комифо, с душой, "сделанной" из типичных романтических материалов: свободы духа, как первостепенной ценности, и красоты, подминающей под себя характерность. Разве что сюжет да кое-какие звуковые "экзотизмы" выдавали в них людей "не из общества". Но как ни цивилизовали господа сочинители в своих цыганских песнях, песенках, балладах и мелодиях стихию, как ни разнились их выразительные средства, а вольный ветер и романтическую страстность, дорогой вокалист, все одно — представь. Люба Казарновская представила другое: ее цыганка, когда-то вывезенная из диких степей, затянута в корсет и наученная кокетничать, еще помнила, что такое воля, но быть свободной уже не могла. Почему? Потому что не свободна сама Казарновская.

Когда год назад она выступила в Большом зале консерватории с программой из арий Моцарта, Верди, Пуччини, хотелось плакать — в таком бедственном состоянии находился некогда прекрасный голос. Певица по-

прежнему умело строила фразы, демонстрировала стилевое чутье и прочувствованное понимание того, о чем пела. Но она явно не справлялась со своим верхним регистром, обильно запестревшим вдруг плоскими, пронзительными, почти карикатурными нотами (спойте что-нибудь у самых зубов на букву "и" — и вот вам новый звук Казарновской). Было слышно: ее "инструмент" подпорчен не извне — например, ленью или безмятежным почиванием на лаврах, а расстроен изнутри, чему причиной, может быть, рождение ребенка, может быть, какой-то жизненный катаклизм...

Умная Казарновская сознает эту драму. Сильная Казарновская бьется за свое ускользающее сокровище. Но до победы еще далеко. И если нынешний ее концерт в БЗК выглядел, именно выглядел, лучше предыдущего, то за счет появившейся в подтексте энергетики боя (певицы — за голос) и эффектной программы, позволяющей ей блеснуть самым аппетитным, что в ней есть. "Эротичностью", — просто слышу я хор голосов. Нет.

Когда и в связи с чем появились с энтузиазмом подхваченные масс-медиа эпитеты "самая горячая", "самая эротичная дива России", уже не вспомнить. Но сегодня они больше похожи на миф (хотя бы потому, что быть несвободной и эротичной одновременно нельзя). Причем подмена была заметна уже тогда, когда Казарновская спела на Марининской сцене Саломею, и лишь приверженцы знаменитой идеи "У нас секса нет" могли бы поверить, что это — один из самых эротичных персонажей во всей оперной литературе. Но заменим мифический эпитет другим — "артистичная", и все встанет на свои места. Незаурядный артистизм — вот что уж точно составляет аппетитность Казарновской и проступает даже



Л.Казарновская

сквозь доспехи упрямого сопротивления року, в которые она одета сегодня. А потому, недодав публике по части вокальных наслаждений, широкую гамму настроений она, безусловно, представила.

А еще представила свой опыт по части цветомузыки — когда придумала погрузить зал в темноту и расцветить органные трубы БЗК то красным, то синим, то зеленым светом, что, впрочем, совершенный пустяк по сравнению с тем изумительно тонким музыкантом, который весь вечер был с ней рядом на сцене. Это Марк Мораш (названный в одних источниках канадцем, в других австрийцем). Иной раз он "мазал". Но как интересно было слушать его "голос", о котором мало сказать: не стертый обычным аккомпаниаторским желанием дать приме дорогу. Он повествовал о большем — о своеобразном мирозерцании. Просто картинка из ренессансной драмы: маленький шут, равный своей королеве. Той, какой она была, и той, какой, хочется верить, она снова будет.

Лариса ДОЛГАЧЕВА